

★ Э ★ Д ★ М ★ О ★ Н ★ Д ★

ТАДЫША

ГАМИЛЬТОН

★ С ★ Е ★ Р ★ Г ★ Е ★ Й ★

СУХИНОВ

КРЫСА

★ ★ ★ ★ ★

ЯРОСТЬ
ЗВЕЗДНОГО
ВОЛКА

ЭКСМО

Звездный Волк

Сергей Сухинов

Ярость Звездного Волка

«Мульти Медиа»

2002

Сухинов С. С.

Ярость Звездного Волка / С. С. Сухинов — «Мультимедиа», 2002 — (Звездный Волк)

ISBN 5-699-00716-4

Чейн сидел в мягком кресле с высокой спинкой. Перед ним находился пульт с множеством кнопок и тумблеров, очень похожий на пульт управления гипердвигателями, а всю противоположную стену занимал широкий матовый экран, напоминающий обзорный экран звездолета. Но он находился не на корабле, а в Храме Истории, неподалеку от Цитадели планеты Талабан. И путешествие, в которое он намеревался скоро отправиться, ни чем не походило на его прежние галактические странствия.

ISBN 5-699-00716-4

© Сухинов С. С., 2002

© Мультимедиа, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Сухинов

Ярость Звездного Волка

Глава 1

Чейн сидел в мягком кресле с высокой спинкой. Перед ним находился пульт с множеством кнопок и тумблеров, очень похожий на пульт управления гипердвигателями, а всю противоположную стену занимал широкий матовый экран, напоминающий обзорный экран звездолета. Но он находился не на корабле, а в Храме Истории, неподалеку от Цитадели планеты Талабан. И путешествие, в которое он намеревался скоро отправиться, ни чем не походило на его прежние галактические странствия.

«В последние недели я вдоволь намахался мечом и пострелял из всех видов оружия, – подумал он. – И вся это беготня с гранатометом на плече оказалась суетой сует. Такой же суетой, как и многие мои приключения на разных мирах. Когда-то в молодости мне нравилось демонстрировать стальные мускулы и боевое искусство, и ловить на себе восхищенные взгляды зрителей – таких же недоумков, как и я. Галактический герой – не так уж весело эта звучит, особенно когда тебя начинают оценивать лишь по горе трупов, что ты оставляешь за своими плечами. Слава Богу и спасибо папаше Джону Дилулло, что я давно уже перестал зваться Звездным Волком. Но для того, чтобы стать настоящим человеком, мне придется волей-неволей научиться не только стрелять и рубиться на мечах, а и слушать, учиться и думать. Ничему этому меня не учили в кадетском корпусе на Варге! Придется теперь вооружиться не бластером, а терпением, и оттачивать не лезвие меча, а свой ум. Хватит ли только терпения?»

Королева Индра задерживалась. По-видимому, вечернее заседание Совета проходило весьма бурно. Он, Чейн, был приглашен только на его утреннюю часть. В зале, в котором находилось более двух десятков птицелюдей, он рассказал о своей давней встрече с Верховным Ллорном. А потом поведал о том, что происходит в Галактике двадцать пятого тысячелетия, о сложных отношениях между Федерацией Звезд, Империи Хеггов и Средне-Галактической Империи. И конечно же, о Х'харнах, пришельцах из Малого Магелланового Облака, которые готовились стать хозяевами Млечного Пути, и для этой достижения этой цели готовились сделать с Галактикой приблизительно тоже самое, что варвары из войска Святого Тонга и Орден Звездных Крестоносцев собирался сделать с Цитаделью.

Но его рассказ не принес ожидаемого эффекта. Птицелюди приняли гостя из будущего более чем холодно. Члены Совета задали ему лишь несколько вопросов, и все они касались только возможной тактики боевых действия армии варваров. Много ли тяжелого оружия могло уцелеть после того, как звездолет Ллорнов расстрелял из ракет космодром варваров за Синими холмами? Какова ныне приблизительная численность армии Святого Тонга? Что он может рассказать про фанатиков из Легиона? Ну, и так далее, в таком же духе. Чейн был потрясен: разговор с членами Совета очень скоро стал напоминать допрос военнопленного! Видимо, и королева Индра поняла это, и постаралась побыстрее завершить встречу в зале Старейшин Цитадели. Несмотря на то, что ее лицо как обычно было закрыто маской, по блеску ее глаз было понятно, до какой степени Индра смущена и разочарована.

Гость не понравился птицелюдям. И они, честно говоря, варганцу тоже не понравились. До сих пор ему нечасто приходилось иметь дело с птицеподобными негуманоидами. Пожалуй, лишь общение с Коркханном, бывшим министром королевства Фомальгаута, доставило ему удовольствие. Коркханн выглядел весьма неказисто, словно цапля, и не умел даже летать, но зато оказался добрым, мудрым и сердечным товарищем.

Птицелюди с Талабана смотрелись бы по сравнению с Коркханном просто царь-птицами. Они выглядели и величественно, и в то же время грациозно. На больших округлых головах, увенчанных белыми плюмажами из перьев, сияли синие, пронизательные глаза. Взгляд их выдержать было нелегко – казалось, птицелюди умели проникать прямо в душу. Кроме того, они были могучими телепатами. Чейну пришлось воспользоваться трансформ-оружием Ллорнов, иначе бы он вряд ли сумел закрыться от бесцеремонных и жестких попыток членов Совета проникнуть в его разум.

По-видимому, его неподатливость окончательно рассердила членов Совета, и они прервали утреннее заседание раньше намеченного срока. Чейну не дали задать ни одного вопроса. Его только холодно поблагодарили за содействие Совету. Никто не предложил ему осмотреть Цитадель. Никто не захотел обсуждать с ним план будущих совместных действий. И никто, разумеется, даже не вспомнил о Варраше, хотя этот человек совсем недавно воевал на стороне защитников Цитадели, ежеминутно рискуя жизнью.

Можно было только догадываться, в чем причина такого холодного приема. Конечно, вряд ли в пользу Чейна говорило то, что он участвовал (хоть и не по своей воле, и не сейчас, а в далеком будущем) в разрушении одного из главнейших храмов Талабана, и арки Созерцания, что располагалась в море рядом с Побережьем. Возможно, что птицелюдям просто не нравились люди. Да мало ли причин...

«Не стоит огорчаться, приятель, – сказал себе Чейн. – Ты боролся за Цитадель вовсе не потому, что воспылил любовью к птицелюдям. И даже не из-за восхищения их храмами, скульптурами, картинами и прочими произведениями искусства. Долг и любовь – разные вещи, и смешивать их не надо. Тем более так, как это пыталась сделать королева Индра...»

Чейн вспомнил о бурной сцене, которая разыгралась две недели назад между ним и Индрой. Королева Талабана с неожиданной для такой прекрасной женщиной прямоотой предложила ему остаться в Цитадели и возглавить армию роботов. Более того, она фактически предложила ему свою любовь! В обмен от него требовалось немного: забыть о своих друзьях из далекого двадцать пятого тысячелетия. И забыть и Миле и Лианне, что находятся сейчас в каком-то летающем Замке, в руках Верховного Магистра Евеналия.

«Даже не надейся, красавица! – с усмешкой подумал Чейн. – Слов нет, ты прекрасна и загадочна. И я мог бы обрести с тобой счастье... Но я человек из другой эпохи, и лишь гость в твоём времени. Мне нужно, чтобы ты помогла бы мне вновь вернуться в мое время – я сам не могу такое сделать. И конечно, я хочу уйти в будущее не с пустыми руками. Ты обещала мне многое рассказать из истории Галактики, и я не уйду, пока не узнаю все, что мне будет полезно в будущей борьбе с Орденом!»

Не выдержав, он вскочил на ноги и подошел к окну, что располагалось позади кресла. Оттуда открывался прекрасный вид на Цитадель – огромную, уходящую в облака пирамиду с десятью уступами. Жаль, что ему не удалось толком рассмотреть ее изнутри. Из скупых фраз Индры он узнал, что в Цитадели сосредоточены сотни центров творчества для работников искусств, научных лабораторий, музейных центров, библиотек, архивов и прочее, прочее. Этот огромный муравейник (или, вернее, гигантское птичье гнездо) являлся храмом Культуры, призванным не только сохранить цивилизацию на Талабана на веки веков, но и способствовать расцвету культур на многих тысяч миров Границы.

Положительно, ничего подобного в Галактике ему не приходилось встречать! Федерация Звезд, объединяющая сотни тысяч миров людей и гуманоидов, ставила перед собой совсем другие задачи. Однажды, несколько лет назад, адмирал Претт в порыве откровенности поведал своему молодому другу с Варги о том, как проходит вовлечение новых миров в Федерацию.

Поначалу на новые миры ступали «дипломаты» с Земли или Веги. Их методами работы являлись сбор информации, подкуп политиков и формирования тайных агентов влияния,

шантаж, а порой и теракты. Если на данной планете царил мир, то «дипломаты» с помощью подкупленных политиков умело разжигали национальные или религиозные конфликты. Если экономика планеты пребывала в состоянии стабильности, то «дипломаты» с помощью агентов влияния искусно разрушали эту стабильность. А потом подкупленные средства массовой информации внушали народам мысль о грядущем губительном кризисе. Выход, разумеется, у них был лишь один: добровольно вступить в Федерацию Звезд, присоединившись к другим «цивилизованным мирам», где якобы царило повсеместное изобилие и процветание.

Случалось, и нередко, что этот план не срабатывал. У многих гуманоидных народов веками развивалось очень сильное чувство национального самосознания, и любых чужаков они и на дух не переносили. Тогда вступал в действие славная Внешняя Разведка. С помощью подкупленных политиков между несколькими соседними мирами раздувалась небольшая межпланетная война. Гасить пожар по просьбе лидеров планет прилетали корабли славного космического флота Федерации. После нескольких доблестных боев война гасла, но не до конца. Чтобы она не разгорелась вновь, лидеры ослабленных, покрытых развалинами планет, обращались к Совету Федерации с настоятельной просьбой основать на их мирах постоянные базы космического флота. Ну, а дальше зачастую все шло как по маслу.

Зачастую – но далеко не всегда. Многие гуманоидные народы уж больно не любили расу людей, считали ее коварной и эгоистичной. Да и слова «свобода» и «независимость» значили для них очень много. Ну, на этот случай у Совета Федерации существовали другие, так называемые «жесткие варианты». На планетах сначала высаживали так называемые «миссии Доброй Воли» из числа миссионеров, торговцев, деятелей культуры и прочих пешек. А потом провоцировалась «ночь длинных ножей». Толпы разъяренных дикарей уничтожали людей Федерации (обычно двоих-троих, остальных разведслужба тайно вывозила с планеты). Но шум поднимался страшный. Совет Федерации собирался на срочное заседание. А затем средства массовой информации поднимали крик на всю Галактику: наших бьют! Как дикари с планеты Икс посмели уничтожить нашу мирную миссию? Мы не потерпим... жизнь каждого члена Федерации священна... Ну, и так далее. А потом на планету Икс посылались эскадры крейсеров, которая осуществляла «справедливое возмездие». За двух-трех терран жителей планеты Икс платили жизнями десятков тысяч своих граждан – впрочем, жертвы среди них никто толком и не считал. А потом следовало падение очередного «преступного режима», его заменяли марионетки из числа заранее отобранных аборигенов, готовых на любых условиях сотрудничать с Федерацией. А эти условия обычно бывали весьма жесткими: Федерации постоянно не хватало ресурсов, в первую очередь энергетических. Ну, а потом из «Новых членов Федерации» высасывались все остальные ценности, включая самых талантливых аборигенов. Им милостиво разрешали навечно поселиться на одном из развитых миров Федерации, а некоторым, особенно ценным кадрам – даже на Веге. Но на Землю, прародительницу галактического человечества, гуманоидов почти не пускали. Здесь жили в основном только чистокровные хомо сапиенс.

Так действовала Федерация Звезд на протяжении многих веков, из года в год расширяя свои границы. Ей удалось даже изрядно потеснить Империю хеггов, из-за чего недавно едва не разгорелась галактическая война.

И вот впервые Чейн встретился с совершенно иным подходом к формированию «содружества миров». Насколько он понял, птицелюди с Талабана пытались объединить тысячи миров не силой, не страхом, и даже не экономическими интересами, а культурными связями. И насколько он понял, много веков Граница жила в мире, согласии и процветании. Что же случилось теперь? Почему орды варваров ринулись на Талабан, горя желанием уничтожить Цитадель? Неужели идеи птицелюдей потерпели полный крах?

Чейн перевел взгляд на другую стену. На ней висело большое белое знамя, на котором был изображены три красных кружка, заключенных в красную окружность. Это знамя там,

в Цитадели, Чейн видел буквально на каждом шагу. Разумеется, оно же висело и в зале заседания Совета. И еще там находилась громадная картина. На ней была изображена какая-то другая Цитадель, расположенная на морском острове. На переднем плане художник изобразил трех человек, явно терран, но их облик ничего не сказал Чейну. Его только удивило, что картина была выполнена в древней, явно несовершенной манере, простыми масляными красками на холсте. Вряд ли птицелюди сохраняли ее как великое произведение искусства – скорее, это была лишь историческая реликвия.

Загадки, десятки загадок... В который уже раз Чейн пожалел, что при встрече с Верховным Ллорнов принял от него только оружие – меч терранского короля Артура, но отказался от информации. Тогда ему казалось, что ему, воину, вполне достаточно знаний о Галактике. Оказалось – нет. Прежний опыт воина и миротворца уже перестал помогать ему во многих ситуациях. Особенно печально закончилась его последняя, партизанская война на Талабане. Даже чудесное оружие Ллорнов не помогло ему остановить армию Святого Тонга.

Конечно, если бы сюда, в это время и в это место, мог прийти космофлот Федерации, то война закончилась бы иначе. А впрочем, кто его знает. Если за спиной Тонга стоит Орден Звездных Крестоносцев, то еще неизвестно, чем закончилось бы драка. Как-никак, Орден сейчас дает прикурить возле Денеба самим Ллорнам! Нет, одной силой здесь ничего не решишь. И переговорами – тоже. Да и с кем вести переговоры? Здесь, в этом времени – с Тонгом? Или там, в будущем – с Евеналием? Чихать они хотят на любые переговоры...

Он вспомнил про Варраша, который с самого утра отсыпался здесь же, в Храме Истории. Не найдя здесь ни одной койки, бородач бесцеремонно содрал со стен красивейшие гобелены, и устроил на полу мягкое ложе. Основательно перекусив и отведав чудесного талабанского вина, он теперь шумно храпел, положив под голову какой-то древний фолиант в кожаном переплете. Чейн невольно позавидовал другу. Вот бы так завалиться спать часиков на двадцать, а проснувшись, узнать, что все проблемы решены самым наилучшим образом. Есть все-таки прелесть в дикарском образе жизни!

«Неужто ты хотел бы снова стать дикарем, Морган Чейн?»

Варганец вздрогнул, увидев, как в открытое окно влетела большая белая птица. Индра сделала изящный круг под потолком зала, и плавно опустилась в одно из кресел, стоявших возле пульта.

Чейн выжидающе смотрел на королеву Талабана. Она смущенно улыбнулась.

– Ты ждешь, чтобы я сняла маску?

– Да.

– Но вердикт Совета запрещает мне поступать так в присутствии чужеземцев.

– Дурацкий вердикт! И к тому же, ты уже однажды сделала. Без маски ты еще красивее.

Поколебавшись, Индра сняла маску. Лицо ее была довольно экзотичным, но по-своему прекрасным. Заметив блеск восхищения в глазах варганца, королева удовлетворенно улыбнулась.

– А крылья?

– Нет, я не могу! Я снимаю крылья только перед сном, и для этого требуется помощь нескольких моих служанок. Не требуй от меня невозможного, Морган! Я и так вызвала недовольство членов Совета!

Чейн едко усмехнулся.

– Какое несчастье!.. Неужто, ты побаиваешься этих высокомерных пернатых стариков, Индра?

Королева слегка зарделась и опустила голову, стараясь не встречаться взглядом с несмешливыми глазами Чейна.

– Не в страхе дело... На мне лежит громадная ответственность, и не только перед Талабаном и мирами Границы, которые мы опекали десятки веков. Я – первая из племени людей,

кто был избран королевой Талабана! Ты даже не подозреваешь, Морган, как сложно было моим предкам с Москаделии завоевать дружбу и уважением птицелюдей. Мы ведь поначалу были совсем разными...

— ... но теперь вы научились так ловко рядиться в пух и перья, что поначалу в вас и не признаешь людей. Поздравляю! Никогда не встречал в Галактике людей, способных к подобной мимикрии. Люди на разных мирах порой здорово отличаются друг от друга, но всегда это прежде всего люди. А вы... Может, ваши женщины уже научились нести яйца и высиживать детей, словно птенцов?

Индра вскочила с кресла. Ее смуглое лицо исказилось от гнева. Стремительно подойдя к Чейну, она отвесила ему весомую пощечину.

Чейн опомнился. Опустившись на одно колено, он поцеловал кончик крыла Индры, словно подол длинного платья.

— Прости, королева... Я и сам не знаю, что несу. Уж больно неприятно мне было видеть, что члены вашего Совета смотрят на меня, словно на варвара. Это на меня-то — рыцаря Ордена Ллорнов!

Лицо Индры смягчилось. Она ласково погладила Чейна по плечу.

— Наверное, именно это и вызвало раздражение членов Совета, — тихо промолвила она. — Птицелюди Талабана всегда считали себя высшими существами, которые выполняют в Галактике великую миссию. Сами божественные Ллорны не раз помогали птицелюдям, не раз называли их своей любимой расой, и даже своими учениками. Но никогда ни один из королей Талабана даже мечтать не имог о том, чтобы лично встретиться с Верховным Ллорном. Никто не приглашал птицелюдей на базы Ллорнов в центре Галактики, никто не посвящал их в тайны древних Хранителей Галактики... И вдруг оказалось, что для некого Чейна божественные Ллорны сделали исключение. И этот Чейн — человек! Если ты знал, как я счастлива, что мы встретились...

Индра посмотрела на варганца долгим, зовущим взглядом. Ее зеленые глаза покрылись поволокой, губы слегка приоткрылись. Чейн ощутил непередаваемое волнение, невольно сделал шаг вперед, но опомнился. «Я уже погубил двух прекрасных женщин, которые любили меня. И еще две красавицы, Мила и Лианна, опять же из-за меня ныне попали в большую беду. Морган, не теряй голову! Ты должен уговорить Индру перенести тебя в двадцать пятое тысячелетие, и заодно поднабраться ценных знаний о Галактике, что очень могут пригодиться тебе как Хранителю. Но не вздумай влюбляться! Тогда ты погубишь еще двух... нет, даже трех женщин, это уж как пить дать...»

Так и не дождавшись от гостя вполне естественной и ожидаемой реакции, разочарованная Индра отвернулась и, подойдя к пульту, выдвинула из-под крыльев кисти рук и стала торопливо нажимать на кнопки и включать тумблеры.

— Да, я очень рада сознавать, что Ллорны приблизили к себе человека, в котором течет кровь Терры, — спокойным, и даже почти безразличным тоном промолвила она.

Чейн смущенно рассмеялся.

— Так вот в чем дело! Ну что ж, тогда я готов простить Совету его неприветливость. Наверное, им было очень приятно сознавать, что вы, люди с Терры, вынуждены были даже отказаться от своего природного облика, чтобы прижиться на Талабана. А тут вдруг невесть откуда появился человек, который сразу же поставил их на место. И дело здесь не только во мне — Ллорны считают нас, людей, своими преемниками в роли Хранителей Галактики! Какой удар по самолюбию этих пернатых парней!.. Но погоди, а почему же тогда в зале Совета висит картина — ну та, где изображена какая-то Цитадель, и рядом с ней — трое людей?

Индра молча продолжала набирать на пульте какую-то сложную команду. Наконец, на большом экране вспыхнула та сама изображение той самой картины, о которой только что говорил Чейн.

– Ты говорил, что не раз бывал на Земле, Морган. Посмотри, быть может тебе знакомо это место? Хотя за много тысячелетий оно, наверное, совершенно изменилось...

Чейн озадаченно подошел к экрану. Теперь он имел возможность разглядеть картину подробнее. Цитадель, изображенная на ней, по-видимому, уступала по размерам Цитадели Табалана, и тем не менее выглядела очень внушительно. А вдаль, у берега моря, виднелась цепь лесистых холмов, возле которых находилась одна из пяти малых пирамид – очень похожая на Храм Истории, где он сейчас находился. Ну, а на горизонте смутно виднелась большая гора.

Гора? Она очень напоминала...

– Это гора мне знакома, она очень похожа на Иду... – пробормотал варганец, не веря своим глазам. – И цепь холмов чем-то мне знакома. Уж не остров ли это Крит?

Индра с недоумением взглянула на него.

– Верно, это на самом деле остров Крит, расположенный в Эгейском море неподалеку от полуострова Пелопоннес... Чейн, разве ты бывал на нем?

– Случалось, – горько усмехнулся Чейн.

– Странное совпадение! Галактика так велика, а ты так молод. И тем не менее ты побывал на этом, священном для всех талабанцев месте! Значит, ты видел останки земной Цитадели?

– Ничего такого я не видел. Хм-м... но это место мне знакомо. Видишь справа цепь холмов? Еще несколько недель назад там, за холмами, на берегу моря я провел там ночь вместе с... Впрочем, это неважно. Пьяное небо, уж не на этом ли самом месте там, на Новой Земле, находится дворец императора Арна Аббаса?

Чейн торопливо рассказал о том, как благодаря мерзавцу Шорру Кану провел вместе в друзья (о том, что в число этих друзей входили Мила и Лианна, он предусмотрительно умолчал) несколько недель на острове Крит, в бывшем императорском дворце. А совсем недавно, он вновь вернулся на Крит, чтобы похоронить там одного из своих друзей. После этого и начался новый виток его приключений, который и привел его на Талабан.

– Никто из нас и понятия не имел, что на Терре некогда была построена одна из Цитаделей, – закончил он свой рассказ.

Брови Индры изумленно взметнулись.

– Одна из Цитаделей?! Морган, ты не понимаешь, чем говоришь. Та Цитадель, что изображена на картине древнего художника, вовсе не одна из Цитаделей. Это Третья Цитадель, которая сыграла важнейшую роль не только в Истории Земли, но и всей цивилизованной Галактики. Кстати, две первые Цитадели также находились на Земле. Ты слышал что-нибудь про Вавилонскую башню?

Чейн настороженно кивнул.

– Да, но только то, что и ней говорилось в Библии. Мой отец был священником, и в детстве не раз рассказывал про Вавилонскую башню. И всегда в его голосе звучало искренне возмущение. Мол, эту башню построили люди, которые возгордились своим разумом и силой настолько, что решили добраться до самого бога. Господь наказал гордецов, разрушил Вавилонскую башню, а людей наказал тем, что с тех времен они стали разговаривать на разных языках. Вот и все, что я помню...

Индра снисходительно улыбнулась.

– Нет, все было на самом деле абсолютно не так. Вот мы и подошли к самому главному секрету Галактики, о котором тебе, судя по всему совершенно неизвестно.

– И в чем же состоит этот секрет? – с иронией спросил Чейн.

– В том, что развитие разумных рас, людей и нелюдей, всегда проходит циклы расцвета и заката. Обитатели любой планеты, сколь разумными и культурными они не были бы, неизбежно через определенный период входят в эпоху варварства. И зачастую далекие потомки

даже самых могущественных рас уничтожают то, что создали когда-то их великие предки. Ты сам видел, Морган, как с какой неистовой яростью варвары армии Святого Тонга штурмуют нашу Цитадель. Можешь ли ты поверить, что еще каких-то пять веков назад многие их предки на разных веках были весьма цивилизованными народами, со своеобразными культурами, которые во многом превосходили даже достижения расы птицелюдей?

– Хм-м... Честно говоря, трудно в это поверить! По-моему, эти мохнатые гуманоиды прямо-таки родились с дубинками в руках. Многие из них и на галакто разговаривать не умеют! Про ювеналов я и не говорю, этих парней я прекрасно знаю... В двадцать пятом тысячелетии их в основном используют в качестве выючных животных. Неужто, они когда-то тоже умели писать и читать?

Индра возмущенно блеснула глазами:

– Морган, твоя ирония неуместна! Еще три века назад на Лантии, главной планете ювеналов, существовал университет! Кстати, и этот Храм Истории проектировал архитектор-ювенал. Но на Лантии случилась глобальная катастрофа, и даже талабанцы не сумели с ней справиться.

– И что же случилось? Война? Эпидемия?

– Нет. Катастрофу вызвала неустойчивость литосферы. Понимаешь, Морган, большинство обитаемых планет состоит из плотного ядра, жидкой расплавленной магмы и твердой коры, толщина которой зачастую не превосходит ста километров. Она-то и называется литосфера.

Любая планета, как тебе, надеюсь, известно, не шар, а сфероид неправильной формы. Ее оси вращения определяют положение двух полярных шапок. С веками на этих полярных шапках начинают скапливаться огромные массы льда, но они обычно размещаются вокруг оси вращения не симметрично. Вращение планеты создает из-за этого центробежный момент сил, который передается литосфере. Когда величина этих масс льда превышает некоторый критический уровень, литосфера начинает как бы проворачиваться вдоль оси, перпендикулярной прежней оси полюсов... Но мне вряд ли стоит вдаваться в подобные детали, верно?

Чейн мрачно кивнул. О физике, как и все варганцы, он имел самое смутное представление.

– Детали меня не интересуют... Но, насколько я понял, в результате этого движения литосферы полярные шапки перемещаются в теплые районы?

– Да, они обычно оказываются вблизи от экватора. И начинают бурно таять! Начинается резкое повышение уровня мирового океана, большая часть суши оказывается под водой. Одновременно образуются новые материки... Словом, спустя всего лишь сто лет Лантию было просто не узнать. Эта развитая во всех отношениях планета попросту перестала существовать! Космические корабли Талабана успели спасти многих жителей этой планеты, но конечно же, далеко не всех... После этого ювеналы обвинили во всех своих несчастьях птицелюдей! Как будто они всемогущи!.. На несколько десятилетий ювеналы прекратили всякие контакты с Талабаном. А когда наши дипломаты все же появились на мирах ювеналов, то их встретили почти что дикари. О былом величии эти гуманоиды даже и не вспоминали. Более того, в порыве злобы они уничтожили почти все, что в течение веков создали с помощью талабанцев: университеты, научные лаборатории, музеи, библиотеки, центры искусств и даже обычные школы... Новые вожди ювеналов призывали своих подданных вернуться к простой жизни, естественной жизни в полном единении с природой, которой жили их предки. А катастрофу на Лантии объявили карой богов, недовольных тем, что ювеналы начали вести иной, цивилизованный образ жизни.

– Понятно... Да, про такие вещи я слыхал, и не раз. На многих планетах Галактики случалось то, что потом называлось Потопом. Выходит, это связано не с гневом богов, а с

естественным движением литосферы?... Мда-а, любопытно. И часто ли такие катастрофы могут повторяться?

Индра пожала роскошными плечами.

– Трудно сказать... У нас на Талабане подобная катастрофа случилось двести тысяч лет назад. Ученые постоянно исследуют состояние полярных шапок, и говорят, что лет через пятьсот можно ожидать повторением Потопа. Но мы предпринимаем меры, чтобы это все-таки не произошло. Куда больше нас беспокоит опасность столкновения с огромными астероидами.

Чейн понимающе кивнул.

– Вот этого дерьма в Галактике хватает! На многих мирах я видел следы падения астероидов. Одна из таких громадин, например, пропорола бок Стальной планеты, похожей на огромный корабль. Да и на нашей Варге немало следов падения астероидов. Но я слышал о случаях, когда астероиды обнаруживали задолго до их приближения к планетам, и уничтожали разными способами. Кстати, и на любом звездолете Федерации есть лазерные пушки, которые могут расстрелять с дистанции более двухсот километров летающие глыбы да ста метров диаметре.

Индра кивнула.

– Да, у нас на Талабане есть космолеты, оборудованные подобными лазерными пушками. Но даже они не спасут Талабан, если в его сторону вдруг помчится поток астероидов. Который наши ученые недавно обнаружили в районе Лиры. Правда, до него еще более двадцати парсеков, и за это время поток может не раз изменить свою траекторию. Если этого не произойдет, нам придется очень нелегко... Но мы, конечно же, справимся с такой опасностью. А многие тысячи обитаемых миров с менее развитой наукой и техникой, разумеется, не справятся. И тогда их цивилизации грозит скорее всего гибель! От удара астероида в воздух поднимается облака пыли, что закрывают солнце на десятки лет. Наступает резкое похолодание, от ядовитых газов гибнут многие растения и животные. Разумные существа обычно выживают, но неизбежно становятся варварами.

Но куда чаще цивилизации гибнут, что называется, по внутренним причинам. Глобальные войны, эпидемии неизлечимых болезней, экологические катастрофы... Любая цивилизация довольно быстро вычерпывает из недр своей планеты полезные ископаемые, оставляя после нее мириады тонн ядовитого мусора всех видов. И справиться с этим невероятно сложно! Но есть и другие факторы, приводящие к гибели цивилизации. Это так называемая «усталость генов». Любой вид с веками начинает вырождаться, и эта проблема пожалуй, самая опасная из всех.

Чейн задумался.

– И что же – Цитадели могут противостоять гибели цивилизаций?

– Конечно! Любая Цитадель – это как бы крепость, в которой собраны все самые важные достижения прежних культур планеты. Это прежде всего Библиотека, которая должна пережить любой катаклизм, научный Архив, Музей с важнейшими достижениями искусства, исторические хроники, описания культур разных народов, и многое другое. Если хотя бы часть этого богатства Культуры переживает неизбежный период Варварства, то новой расе будет гораздо проще начинать свое развитие.

– Ты сказала – крепость. Значит, строители любой Цитадели как бы подразумевают, что их создание непременно подвергнется нападению одичавших народов?

Индра вздохнула и печально опустила голову.

– Увы, так зачастую и случается... В сердце любого дикаря почему-то таится патологическая ненависть к Культуре. Некоторые ученые считают, что эта ненависть определяется неизбежной «порчей генотипа». Так это или нет, не знаю, но история тысяч миров говорит о том, что рано или поздно потомки тех, кто строил Цитадели, непременно станут их штурмо-

вать! И хотя создатели многих Цитаделей предусматривают самые разные средства защиты, большинство крепости Культуры все же рано или поздно гибнет... Но это происходит далеко не сразу, а тогда, когда уже начинает нарождаться новая раса. Планета выходит из тьмы эпохи Варварства, и даже жалкие остатки сокровищ, которые были сохранены для будущих поколений, дают бурные всходы!

Чейн вновь взглянул на экран.

– Хм-м... выходит, и на Земле происходило нечто подобное?

– Да. И в отличие от многих других миров, земные Цитадели выполнили свое предназначение! На Терре сменилось пять рас, случилось пять глобальных катастроф, но цивилизация не погибла, а более того, смогла развиваться. До Терры такого нигде в Галактике не случилось! Вернее, это случилось лишь один раз, миллионы лет назад...

– Ты говоришь о Ллорнах?

– Ну конечно! Эта раса первой пережила несколько глобальных катастроф, и сумела покорить Галактику. Она пыталась по мочь многих новым нарождающимся расам разумных существ, но из этого ничего не получилось. Те, кому помогали Ллорны, быстро становились их нахлебниками, теряли стимул к саморазвитию и рано или поздно гибли.

Тогда Ллорны решили не вмешиваться в естественный ход событий. Они лишь следили за тем, как развиваются разные разумные расы. И первыми, кто привлек их внимание, стали...

– Я знаю – это были ванриане!

– Да. Людям с Веги невероятно, фантастически повезло: за миллионы лет на их планете не произошло ни единого катаклизма!

Да и генотип их оказался на удивление устойчивым. В любом правиле есть исключение. Ванриане и оказались таким счастливым исключением! Они смогли создать высокую технологическую культуру, не прибегая к помощи Цитаделей. В этом просто не было необходимости – в их истории не было периодов Варварства, какие случались на всех других мирах.

Но не зря говорится: за все приходится платить. Ванриане очень жестоко поплатились за свою исключительность. В их генотипе был чрезмерно развит ген Борьбы. Это дало возможность расе ванриан быстро развиваться до космических высот. Но ген Борьбы не зря ученые называют и по-иному – ген Зла. Едва ванриане только вышли в космос, как они тотчас попытались подчинить себе сотни окружающим миров. И начались в огне войн запылалы сотни планет!

До этой поры Ллорны с большой надеждой смотрели на ванриан. Они надеялись, что эта молодая, сильная и очень удачливая раса со временем станет их преемниками, новыми Хранителя Галактики. Но ванриане хотели совсем другого – они мечтали стать Хозяевами Галактики!

И тогда началась многовековая война Ллорнов и ванриан...

Чейн кивнул.

– Я уже слышал об этом от Верховного Магистра. Он также поведал мне о том, как ванриане создали расу землян. Правда, о нас, терранах, он отзывался весьма пренебрежительно... Называл терран скороспелками, примитивами...

– Увы, в этих словах немало правды, – горько улыбнулась Индра. – Ген Зла в терранах оказался еще более сильным, чем в ванрианах... Отсюда и бесконечные войны, которые шли на Земле во все века. К тому же, на Терре случилось немало глобальных катастроф. Падение гигантских астероидов погубило древнюю цивилизацию Лемурию. Спустя сотни тысяч лет в результате поворота литосферы и всемирного Потопа пала и другая, не менее развитая цивилизация Атлантида.

Но каждый раз человечество на Земле довольно быстро возрождалось благодаря Цитаделям. Так случилось и после гибели Атлантиды. Предвидя ее, атланты построили на трех соседних материках три Цитадели. Главная из них находилась на азиатском материк – она получила позднее название Вавилонская башня. Вторая Цитадель находилась на материке, позднее названном Африка. Ее главной частью была огромная библиотека. Третья Цитадель находилась в Южной Америке. Все эти Цитадели имели форму зиккуриата, то есть огромной уступчатой пирамиды с квадратным основанием.

Далее случился всемирный Потоп, люди стремительно одичали. Это варвары, а не разгневанные боги, разрушили Вавилонскую башню! Варвары же сожгли библиотеку в Александрии. А Цитадель в южной Америке уцелела, и дала толчок быстрому развитию новой, пятой расы терран! Немало плодов осталось и от других двух Цитаделей.

Цивилизация пятой расы развивалась столь стремительно, что прошло несколько тысяч лет, и земляне уже вышли в космос! В техническом отношении терране обогнали многие другие, куда более древние галактические расы. Но ген Борьбы не зря называют геном Зла! С каждым веком войны становились все разрушительнее, и технический прогресс только увеличивал их разрушительную силу.

Конец пятой расы быстро приближался. И вот наступил двадцатый век...

Чейн вздрогнул.

– Мой друг Джон Гордон как раз жил на Земле в двадцатом веке! Он немало рассказывал мне про свою жизнь в то далекое время. Ты тоже говоришь о двадцатом веке... Странное совпадение!

Индра посмотрела на Чейна с огромным удивлением.

– Морган, ты меня вновь поражаешь! Нет, думаю, это не просто совпадение... Но об этом мы поговорим как-нибудь потом.

Итак, в истории Земли наступило двадцатый век. Это был расцвет человечества. Во многих странах появились сотни гениев во всех областях науки, литературы и искусства – такого расцвета Культуры не знала ни одна галактическая цивилизация!

Но не зря говорится: цветы сильнее пахнут перед увяданием. В самом начале двадцатого века, неожиданного для всех, человечество вступило в период Варварства. И причиной его были не глобальные катастрофы, а усталость генотипа. Технический прогресс дал терранам оружие планетарного масштаба, и они начали войну, которые унесли десятки миллионов жизней. А в середине двадцатого века случилась вторая, еще более гибельная мировая война. И ней впервые было применено атомное оружие. Но самое страшное, что по Земле стала распространяться идеология фашизма, то есть идея превосходства одной расы над другими.

Вот так Земля вступила в очередную Эпоху Варварства. К концу двадцатого века уровень Культуры упал до невероятно низкого уровня. На рубеже новых веков гениев уже почти не рождалось, зато пышным цветом расцвела самая низкопробные виды искусства. А на горизонте уже маячили экологические катастрофы, новый Потоп, эпидемии новых страшных болезней...

– И тогда-то и была построена эта Цитадель? – тихо спросил Чейн, глядя на экран.

– Нет, это случилось только в двадцать втором веке. Но идея построения новой Цитадели была высказана в самом начале 21 века, настолько я знаю, в какой-то книге. Поначалу эту идею попросту не заметили. Многие люди почему-то считали, что ничего страшного Земле в ближайшие века не грозит. Но когда катастрофы на Земле стали нарастать, словно снежный ком, отношение к этой идее изменилось. Хотя поначалу многих привлекла только сама масштабность этого проекта. Шутка ли – строительство гигантской Цитадели могло стать самым крупным проектом не только нового века, но и всего Третьего тысячелетия! Бизнесменов привлекла возможность получить огромные прибыли на участии в этом суперпроекте. Журналистов обрадовала возможность получить на десятки лет источник для

сенсаций. Знаменитых людей обрадовала возможность увековечить свои имя как одного из Основателей Цитадели. Кажется, предприимчивые строители даже начали торговать возможностью увековечить свои имя в блоках фундаменты этой громадной пирамиды! И от желающих купить такое право даже за огромные деньги отбою не было.

Но куда больше многих состоятельных людей привлекало совсем другое. Цитадель на острове Крит должна была стать не только огромным хранилищем человеческой Культуры. Она должна была стать и самым крупным в истории Земли научным и культурным и учебным центром. Те молодые люди, кто получил право учиться в Цитадели, становились ее будущими работниками, то есть автоматически входили в элиту человечества. Но Цитадель была не столь уж велика, и туда могли попасть только избранные из избранных...

– Понятно, – усмехнулся Чейн. – Представляю, какой же поднялся ажиотаж вокруг Цитадели! Но почему еще построили не в двадцать первом веке, а только в двадцать втором?

– О-о, это длинная история, Морган! Дело в том, что у каждой Цитадели есть одна очень важная функция, о которой я пока еще ничего не говорила. Если бы земные Цитадели была просто самым большим университетом планеты, самой большой библиотекой и научным центром, то они погибли бы без следа, так же, как погибли в прошлые века сотни подобных Цитаделей на разных мирах.

Создатели же земной Цитадели пошли другим путем. Они хотели не просто жать шансу своей Культуре выжить в эпоху Варварства – нет, они захотели всеми возможными путями противостоять варварству!

– То есть, Цитадель была окружена военными базами?

– Не в этом дело, Морган. Видишь ли, варварство не приходит само по себе, разумные расы сами создают его. Давно известен общегалактический закон: девяносто процентов в любом виде деятельности способствуют приходу варварства! Это касается и науки, и техники, и промышленности, и искусств – словом, абсолютно всего, включая политику! Даже производители пищевых продуктов в погоне за прибылью зачастую выпускают продукцию, которая впоследствии ухудшает здоровье людей. Многие произведения культуры тоже призваны вызывать в людях самые низменные чувства. Даже наука и та зачастую служит гибели человечества...

Но в любых видах деятельности есть и такие направления, которые способствуют не гибели человечества, а его расцвету. Это и экологические чистые продукты питания, и безвредные лекарства, и прекрасные картины, и машины, облегчающие жизнь человека...

Чейн невольно присвистнул:

– Ах, вот в чем дело... И кто же может удить: на благо будущему делается то или другое, или на вред?

– Это и делали специалисты Цитадели! Они служили не фирмам, и даже не отдельным странам, у которых всегда есть своекорыстные интересы. Нет, они служили только человечеству. И многочисленные Советы Цитадели по разным отраслям Культуры решали...

– Что такое хорошо, и что такое плохо? – ехидно заметил Чейн. – Нужно ли художнику Икс рисовать и дальше, или ему лучше пойти убирать улицы?

Индра спокойно улыбнулась.

– Конечно же, нет. Если бы Цитадель стала что-то запрещать, что-то диктовать человечеству, то она бы превратилась в мирового тирана. Разумеется, никому ничего запрещать нельзя – если только деятельность человека или фирмы не приносит очевидный вред людям. Но уж поддерживать Цитадель будет только того, кого посчитает нужным! И такая поддержка может оказаться куда более действенной, чем любые запреты.

– Вот в чем дело... – задумчиво пробормотал Чейн. – Теперь я начинаю понимать, почему Цитадель строили так долго. Для очень многих людей и фирм, и даже государств наверное она была словно нож острый!

– Ты прав, Морган. Для планет, все мироустройство которых кружит вокруг оси под названием «нажива», другой реакции и трудно было ожидать. Некоторые самые развитые страны, которые в то время занимали на Земле лидирующие положение, испугались, что Цитадель оттеснит их с лидирующих позиций. Многие фирмы, зарабатывающие на не совсем качественной продукции, опасались потери рынков сбыта. Религиозные лидеры испугались того, что Цитадель станет выше Церкви, и вспомнили лживую историю о Вавилонской башне. Словом, противников у Цитадели на Земле оказалось очень много! Одно время казалось, что Цитадель на Земле так никогда ни не будет построена.

Но проблем на Земле становилось все больше и больше. Следы нарастающего варварства были видны буквально везде, и не замечать этого было невозможно. К тому же началось глобальное потепление, и люди стали опасаться нового всемирного Потопа.

И все же судьбу Цитадели решил не разум землян, а все та же непобедимая жажда наживы! Что бы там не говорили, но проекта, равного по своим масштабам Цитадели, в истории пятой расы не было! Строительных компаний, что надеялись заработать огромные деньги на возведении Цитадели, было не счесть. Первый проект Цитадели за свои средства сделал одна голландская фирма, специализирующаяся на строительстве громадных пирамид, с использованием опыта так называемой ведической архитектуры. Затем в проект сложили огромные средства фирма, работающая в сфере всемирной информационной сети. Многие ведущие ученые мира, поняв, что только Цитадель может помочь развитию многих фундаментальных наук, захотели перевести на остров Крит часть своих лабораторий.

В конце двадцать первого века создавались ситуация, когда всем вдруг стало ясно: Цитадель несмотря ни на что, будет построена! Но попасть туда, в эту главную крепость земной цивилизации, смогут лишь немногие, и лишь немногие смогут обеспечить таким образом будущее своих потомков, что называется. До десятого колена. А вот те, кто окажется вне Цитадели, несмотря ни на какое богатство, со временем окажутся изгоями, у которых нет будущего.

И тогда на Земле начался невероятный ажиотаж! Цитадель на Крите была построена за тридцать с небольшим лет, и была торжественно открыта в 2120 году. Позднее вокруг нее были построены восемь небольших пирамид, в которых расположились важнейшие научные лаборатории, результаты работы которых должны были помочь человечеству выжить в грядущих катастрофах. Ну, и еще на острове были построены подземные военные базы и ракетные установки, которые могли в случае необходимости защитить главный форпост земной культуры.

Чейн насторожился. «Пьяное небо, как же жаль, что я не знал об этом прежде! – огорченно подумал он. – Надеюсь, Джон Дилулло и все остальные мои друзья догадались спрятаться во время бомбардировки в подвалах дворца Арна Аббаса. А если оттуда есть выходы в подвалы древней Цитадели? Или даже на подземные военные базы? Тогда у них есть шанс спастись!»

Но вслух он спросил о другом:

– А что же противники Цитадели? Разве их к началу двадцать второго века совсем не осталось?

Индра снисходительно улыбнулась.

– Противники, конечно же остались, и их было немало, особенно из числа влиятельных политиков разных стран. Но те, кто строили Цитадель, придумали очень хитрый ход – впоследствии его использовали и все строители Цитаделей на многих мирах. Они начали составлять так называемые «черные списки». Если тот или иной влиятельный человек достаточно часто и резко высказывался против строительства Цитадели, то его заносили в эти самые «черные списки». А это означало, что ни сам этот человек, и члены его семьи, ни его потомки до десятого колена не имели права посещать Цитадель даже как экскурсанты. Ни

о какой поддержке деятельности этих людей со стороны Цитадели и речи не могло идти. Никто из членов Совета не имел права отменить это решение. Понимаешь, Морган? Многие упрямы даже оглянуться не успели, как оказались в числе изгоев, у которых есть настоящее, но нет будущего. И никакие деньги, никакие связи не могли спасти ситуацию!

– Представлю, сколько на эту тему было шума и скандалов! – ухмыльнулся Чейн. – Ну что ж, тупые упрямы должны вымирать как вид... А как же Церковь?

– О-а, здесь решилось все очень легко и просто. Совет Цитадели дал обязательство никогда не создавать свою религию, ни не поддерживать ни одну из бесчисленных «единых мировых религий», которых в то время на Земле было хоть пруд пруди. Зато в Цитадели торжественно открыли храмы всех пяти главных мировых религий. И на этом вопрос был закрыт.

– И что же случилось потом?

– В двадцать втором веке на Земле были построены еще две Цитадели, несколько меньших размеров. Некоторые ученые считали, что случилась мировая катастрофа, остров Крит непременно погибнет под волнами моря. Поэтому сначала построили вторую Цитадель в центре Северо-Американского материка. Ну, а третью Цитадель построили в центре евроазиатского материка, возле горного хребта Алтай. Оттуда, кстати, и пошли мои предки с отцовской стороны... Некоторые ученые тогда считали, что в случае очередного поворота литосферы Земли из всей суши якобы останется только небольшой ее клочок, названный Вечным материком. Алтай находился как раз на территории этого Вечного материка.

– И какова была судьба этих трех Цитаделей?

– О-о, это длинная история... В войне двадцать пятого века была сначала разрушена Цитадель на Северо-Американском материке. Потом варвары долго и безуспешно штурмовали две другие Цитадели. Прошло еще несколько веков. Люди с Земли расселились на звездах, основали много дальних колоний. Ну, а потом случилось то, что происходит сейчас у нас на Талабанае.

– То есть, варваров поддержал Орден Звездных Крестonosцев?

– Увы, Ллорны упустили этот момент... Да и могущество Ордена к тому времени резко возросло. Ванриане создали огромный космический флот и громадные летающие крепости. Но самое главное, что они придумали инверс-компьютеры и инверс-очки, которые позволяли их армадам веками странствовать в глубинах космоса. Ты никогда не надевал инверс-очки?

Чейн покачал головой.

– Нет. Но я видел, как однажды из надевал мой командир, когда наблюдал за прилетом на Талабан космолета Великого Магистра. На его физиономии при этом светился такой восторг, будто он в жизни не видел звездолета! А когда он пообещал по завершении операции вручить всем своим младшим офицерам такие же очки, те просто завопили от радости. Не могу понять, в чем тут дело!

Индра внимательно взглянула на него.

– Но ты очень хочешь это понять, не так ли? И ты, наверное, очень хочешь узнать про летающие Крепости Ордена?

Чейн смутился. Ему не хотелось раньше времени открывать свои карты.

– Королева, я очень многое хочу понять, раз уж мне представился такой случай, – ушел он от прямого вопроса. – Мы говорили о Цитаделях. Скажи – а кто же эти три человека, изображенные на картине на фоне Цитадели? Наверное, ее создатели?

Индра перестала сверлить его недоверчивым взглядом.

– Не совсем. Имена этих трех людей ничего тебе не скажут, Морган. Они жили в двадцатом веке, и каждый по-своему тогда был знаменит. Тот человек, небольшого роста, с бородкой и с черной шапочкой на голове – это русский художник Николай Рерих. Он пер-

вым понял, что без сохранения Культуры невозможно развитие мировой цивилизации. Рерих предложил всем странам Земли подписать Пакт, по которому во время военных действий страны обязались не уничтожить объекты культуры на территории противника. Подобный Пакт был более пяти веков назад подписан на Терре между двумя тысячами галактических миров по инициативе Совета Федерации. Правда, сама Федерация множество раз нарушала этот Пакт...

Знамя Мира, которое мы видел в Цитадели придумал так же Николай Рерих. Ныне оно развевается над сотнями Цитаделей во всей Галактики.

Индра нажала на несколько кнопок, и в углу экрана появилось уже знакомое Чейну белое знамя с тремя красными кружками, заключенным в красную окружность.

– И что же оно символизирует, это знамя? – недоуменно спросил Чейн.

– О-о, у него множество разных толкований... Мне больше всего нравится то, что связано с представлением о гармонии человеческой души. Три малых, соприкасающихся красных кружка – это любовь человека к своей семье, к своей малой родине, и к своей Родине. А большая красная окружность – это любовь человека к своей планете. Так вот, подлинная гармония в душе человека можно возникнуть только если в его сердце живут эти четыре чувства! Но стоит выпасть одну из этих символов, и в душе человека вместо гармонии воцаряется Хаос. Пышным цветом начинают расцветать такие сорняки, как эгоизм, национализм, космополитизм и даже фашизм.

Чейн задумался.

– Хм-м, что-то в этом есть... Наверное, во мне живут все эти четыре чувства! Во время бессонных ночей я часто вспоминаю про своих родителей, которых потерял так рано... Да и Крэк, город, где я родился и вырос, мне очень дорог, хотя это далеко не самый красивый город на свете. А уж свою суровую и беспощадную Варгу я не променяю ни одну другую планету, даже Землю!.. Ладно, об этом я еще подумаю на досуге. А кто тот высокий здоровяк с кожаной шапке на голове?

– Это писатель и летчик Антуан де Сент-Экзюпери. В начале двадцатого века на Земле появились первые летательные аппараты, очень несовершенные. Поначалу их воспринимали как просто новое средство передвижения. Но Экзюпери поднялся в воздух и, наверное, первым понял, что он – человек Земли! В его сердце жили все три четыре чувства, о которых я говорила. Об этом Экзюпери написал великую книгу под названием «Планета людей». К сожалению, до наших времен не дошло ни одной ее копии...

– А тот, четвертый, в очках и с седыми вьющимися волосами?

– Его звали Айзек Азимов. Он был ученым и писателем. Азимов первым высказал в своих книгах идею о том, что эпохе Варварства можно и нужно противостоять, собрав в единый кулак ведущих мировых ученых и деятелей культуры. Он даже придумал науку под названием психоистория, овладев которой якобы можно с математической точностью управлять огромными массами людей, тем самым значительно сократить период неизбежного Варварства. К сожалению, а может быть, и к счастью, такой науки до сих пор не создали. Но его идея противостояния Варварству материализовалась в облике Цитаделей. В честь его книг фонд, который строило Цитадели на Крите, получил название фонд «Основание».

В хрониках рассказывается о том, как рыцари Ордена однажды сумели на несколько лет оккупировать Землю. И первое, что они сделали – разыскали книги этих трех выдающихся людей Земли и сожгли их на кострах. Там же сгорели и почти все картины Рериха. Увы, туннель провремени в Цитаделях появились намного позже, иначе мы бы не потеряли все эти сокровища!

Чейн мгновенно сделал выпад:

– Выходит, там, на острове Крит, и ныне находится один из таких туннелей? И он связан с вашей Цитаделью?

Лицо Индры исказила гримаса боли. Она с упреком посмотрела на Чейна:

– Морган, ты совсем не умеешь хитрить. Я рассказываю о вещах, которые тебе необходимо знать как Хранителю, а ты думаешь только о том, как бы покинуть Талабан и спасти тех твоих двух женщин!

Чейн нахмурился, проклиная себя за несдержанность. Но голос его не дрогнул:

– Прости, королева, но твой упрек несправедлив. Ты не хуже меня знаешь, что Орден волей пришельцев Х'харнов перенесся на десятки тысяч лет в будущее. И там уже нет Ллорнов, которые могли бы остановить эту страшную силу! Вряд ли всеведущая Внешняя Разведка Федерация подозревает о ее существовании. Индра, мне необходимо вернуться в мое время! И если туннели Цитадели могут дать мне такую возможность...

Королева опустила голову.

– Но туннель, что ведет в будущее Талабана, поврежден. Сейчас там ведутся ремонтные работы, но трудно сказать, когда они закончатся. А второй, резервный, захвачен армией Тонга – да ты и сам это прекрасно знаешь.

– Но ты же путешествовала в будущее, и не раз!

– Только в виде полупризрака. Я же сказала – этот провременной туннель поврежден при обстреле из катапульт.

– Проклятье! Индра, ты обмолвилась о туннелях провремени, что находятся под развалинами земной Цитадели на острове Кипр. Если бы я мог перенестись на Землю хотя бы несколько минут до того, как на меня напали разбойники из Хаосада...

– Морган, забудь даже думать о таком! Законы хронофизики не позволяют делать подобные вещи. Сколько времени прошло после твоего отлета с Земли?

– Мои часы отмерили без малого тридцать стандартных суток... Черт побери, выходит, я смогу снова оказаться на Земле только спустя почти четыре недели после налета эскадры негуманоидов? Индра снисходительно улыбнулась.

– Ну конечно же... Морган, не жди от нас никаких чудес. Теперь понимаешь, как тщетны все твои надежды? Даже если бы мы помогли и перенести тебе на Терру двадцать пятого тысячелетия, что это дало бы? Твои друзья за четыре с лишним недели либо выбрались из подземелья, либо давно уже погибли... Но это пустые разговоры. Переход на Терру, да еще через двенадцать тысячелетий потребует половину всей энергии, которой мы располагаем. А это значит, что придется отключить силовой барьер вокруг Цитадели по крайней мере на сутки. Ты понимаешь, чего ты просишь, Морган? Ради своих друзей и тех двух твоих женщин ты готов пожертвовать нашей Цитаделью, десятками тысяч его обитателей, да и всем Талабаном!

Чейн разразился проклятиями. Надежда яркой молнией ослепила его, а потом вдруг погасла. Пьяное небо, конечно же доводы Индры очень серьезны! Совет Цитадели никогда не выполнит его просьбу. Что им проблемы Галактики далекого будущего? Понятное дело. Птицелюди куда больше озабочены своей судьбой. Как ни печально сознавать, но и Совет Федерации точно также поступил бы на их месте.

– Ладно, не будем пока об этом, – процедил он сквозь зубы. – Я достаточно слышал о Цитаделях. Теперь мне хотелось бы больше узнать про Орден. Почему звездным крестоносцам удастся терроризировать Галактику и какую роль в этом играет некая Орда? Ты можешь мне рассказать об этом?

Индра улыбнулась.

– Да, конечно. Но будет гораздо лучше, если ты на некоторое время словно бы проживешь несколько дней в мире Ордена. Он очень своеобразен, и словами это трудно описать. Лучше увидеть все своими глазами, и не просто увидеть, а некоторое время прожить в удивительном мире морекосма! Садись в это кресло.

Индра указала на кресло, стоявшее возле большой приборной стойки. На верхней части спинки кресла располагался округлый колпак, напоминающий шлем. Он был связан с приборной стойкой несколькими жгутами.

– В нашем Храме Истории очень часто используются мнемоустановки, – пояснила Индра, включая тумблеры на приборной стойки. Послышалось мерное гудение, на панелях замигали сотни разноцветных лампочек. – Ученые-историки, и наши творческие работники создали великое множество мнемофильмов о разных важнейших эпизодах в истории Галактики. Немало из них посвящены истории Ордена. Ты увидишь один из самых удачных мнемофильмов. Он рассказывает о важнейшем эпизоде в истории Ордена, что произошел более двух веков назад. Конечно же, это всего лишь мнемофильм, в нем многие эпизоды домыслены его создателями. Изменены и имя главного героя. На самом деле его звали не Ахав, а Тируган... Впрочем, ты же незнаком с древней терранской литературой, поэтому бесполезно объяснять, кто такой Ахав и кто такой Белый кит.

Чейн сел на кресло и сам опустил на голову мнemoшлем.

– Что такое кит, я знаю... – глухо промолвил он. – Мне рассказывал про них Джон Дилулло. Но на других мирах вроде бы нет подобных животных... Где же их смогли раздобыть эти дьяволы-озэки?

– Скоро ты узнаешь... Чейн, закрой глаза, и попытайся расслабиться. До скорой встречи!

Гудение приборной стойки стихло. Варганец вдруг ощутил, будто проваливается в глубокий сон. И тогда он услышал мерный шум волн, и ощутил на лице соленый порывистый ветер. Открыв глаза, Чейн увидел, что находится на острове посреди моря. Приближался рассвет...

Глава 2

Ахав вышел из хижины незадолго до рассвета. Поправив большие инверс-очки, закрывавшие пол-лица, он затворил скрипучую дверь, стараясь не разбудить детей, и спустился по шатким ступенькам на землю.

Некоторое время Ахав постоял на дворе, с наслаждением вдыхая соленый воздух морекосма. Несильно дул восточный ветер, серпантины звезд искрились в черноте неба. Вдали, за крышами Таможни, медленно вздувался бледно-зеленый пузырь Сотры – одной из семи лун Полдии. Во всей Галактике луны напоминают человеческие лица: старые, изможденные, испещренные оспинами кратеров, с темными пятнами глазниц и неровными линиями увядающего рта. Метановая атмосфера Сотры белесыми космами обрамляла впалые щеки, изрезанные многочисленными шрамами, крутой подбородок зарос щетиной горных массивов. – «Мой портрет, – невесело усмехнулся Ахав. – Все мы, рыбаки, к восьмому десятку лет высыхаем словно киты, выброшенные на отмель под палящее солнце. Ладно... Надо как-нибудь покатасть Ольму на шхуне вокруг острова – больно красивые эти места. Полгода здесь, а она и Полдию толком не видела...»

Рыбак еще раз глубоко вдохнул терпкий маслянистый воздух и, заметно прихрамывая на правую ногу-протез, пошел через поселок к берегу. В большинстве хижин еще царила тишина. Там жили охотники за морскими губками – их работа начиналась обычно не раньше полудня, когда губки выползают на отмели вблизи лун. Только в домах Вольдера, Макса и других китобоев старик заметил свет между ставнями. Здесь тоже не спешили – Управление не позволяло китобоям удаляться далеко от Замка на их ветхих суденышках. Лишь он, Ахав, рискует уходить на своей добротной «Гелле» к границам местного светила с неказистым именем Некра...

Ахав поежился и до верха захлестнул молнию на теплой меховой куртке. Конечно, «Гелла» – неплохая шхуна, но неровен час и она может нырнуть на глубину вслед за загарпуненным китом... Паруса на фок-мачте давно истрепались, канаты прогнили, покрылись скользким слоем грибка. Давно пора поставить шхуну на капремонт в доках Скалистого острова... но где взять деньги? Он и так числится в черных списках налоговой инспекции...

Когда Ахав ступил на вязкий берег, на востоке занялся рассвет. Розовые лучи Некры зажгли тонкий слой атмосферы острова, но созвездия в зените даже не потускнели. – «Похоже атмосферное давление падает! – с тревогой подумал Ахав. – Если дело так пойдет и дальше, то через месяц-два нормально дышать можно будет только в хижинах, где есть автономные кислородные генераторы... Ладно, вернусь из плавания – попрошу старосту собрать народ и обсудить это дело. Может, надо заслать ходоков в Замок за помощью? Вдруг им удастся прорваться на прием в Рыцарский совет? Эх, куда меня занесло...»

«Гелла» стояла на берегу у причала среди десятков таких же потрепанных однопалубных суденышек. Киль ее глубоко увяз в песке, латанные – перелатанные борта были усеяны крапчатыми раковинами-прилипалами. Три мачты со спущенными парусами уходили высоко в звездное небо, на бушприте блестели крупные капли рассветной влаги. Сердце старого рыбака защемило.

«Что ж, „Гелла“, и мой век подходит к концу, – грустно подумал он, с трудом взбираясь на борт по холодной веревочной лестнице. – Но мы с тобой, старушка, обязаны сделать еще одно дело – ты знаешь, какое. А потом можно будет уйти и на покой, и никто, даже Верховный Магистр, не заставит меня больше выйти в морекосм! Ладно...»

Он осторожно прыгнул на палубу – и тут же почувствовал боль в правой ноге – обреченная по колено зубами крупного кита-секача, она за долгие годы так и не привыкла к дешевому металлическому протезу. Опираясь рукой на край борта, Ахав не спеша направился к

рулевой рубке, боясь поскользнуться на влажной палубе. И все же у самой рубки он покачнулся и, не удержавшись, боком съехал вниз, ударившись головой о край бака с ветошью.

И тотчас случилось худшее, что могло произойти – вновь забарахлили инверс-очки, которым и так давно было место у старьевщика Рема. Четкое панорамное изображение вдруг задержалось, в конических линзах окуляров пробежала молочная волна. И сразу же исчез привычный пейзаж морского берега с рыбацкими шхунами и причалом. Остров заметно потемнел, гряда невысоких холмов за поселком сменилась на цепь иззубренных скал. Вместо беспорядочно разбросанных рыбацких хижин, слепленных кое-как из обломков старых кораблей, появился фантастический поселок, залитый тусклым светом звезд. Каждый его дом был сварен из мощных титановых плит и напоминал небольшую крепость, глубоко врытую в каменистый грунт. Старенькая «Гелла» тоже преобразилась – на месте шхуны теперь стоял изрядно потрепанный космобот. Вместе с десятком таких же овальных мини-космолетов, он был припаркован к ровной каменистой площадке – это был космопорт астероида. Именно астероида – при свете восходящего солнца было отчетливо видно, что остров на самом деле представляет собой каменную глыбу километрового диаметра!

Дрожащими руками Ахав стал вращать конуса инверс-очков, пытаясь как можно быстрее вернуть прежнее видение мира, такое привычное и земное. Он слишком стар, чтобы смело взглянуть в глаза истине! Одно дело ощущать себя рыбаком, плавающим по безбрежным просторам морекосма, а другое – знать, что ты лишь бродяга-астронавт, всю жизнь рыщущий в поисках добычи по ледяному космосу в бронированной скорлупке космобота...

Изображение морекосма никак не желало восстанавливаться. Ахав был в отчаянии – неужто встроенный в оправу очков микрокомпьютер совсем отказал? Это было бы для него катастрофой. Даже поношенные очки у старьевщика Рема стоили двести сестрий, а о новых и говорить не приходится – цена им целое состояние. Если компьютер не заработает, то пиши пропало: в морекосм выходить нельзя. А это означает худшее: на следующей неделе для расплаты со сборщиком налогов господином Спеллом у него не будет и гнutoго медяка...

В инверс-очках мигнуло раз, другой. затем молочный туман неторопливо рассеялся. Ахав, затаив дыхание, вновь окинул взглядом берег и облегченно вздохнул. Все было, слава богу, на привычном месте: рыбацкие шхуны с обвисшими парусами, илистый берег, заваленный гниющими водорослями и белыми створками раковин, ветхий дощатый причал... Только на периферии изображение продолжало дрожать, и там порой проглядывал иной, истинный вид острова. Ладно, ничего страшного – ему, Ахаву, не впервые вести «Геллу» в таких условиях...

Шхуна внезапно дрогнула, качнулась, за бортом послышалось бульканье, шорох, журчание – начался прилив. Ахав, опираясь на медную ручку двери рубки, закричал и поднялся на ноги. И сразу же он увидел необъятные просторы морекосма, подсвеченные косыми розовыми лучами восходящего солнца. Он чем-то напоминал земной океан, где Ахав провел свою юность, но был несравненно величественнее и загадочнее. Невидимые глазу космические течения, омывающие астероид, преображались инверс-очками в безграничный простор с огромными кипящими водоворотами, многометровыми волнами и пенными гребнями, похожими на заснеженные горные хребты. Но самым величественным зрелищем были Кольцевые валы. То там, то здесь на ровных, покрытых рябью участках, неожиданно вздымались округлые волны диаметром в две или три лиги и стремительно сходились к центру, подымаясь высоко к звездам. Когда валы, наконец, схлестывались, раздавался оглушительный гром – и среди бушующих волн вставала остроконечная водяная гора, обвитая серпантинном густых пенных хлопьев. Мгновение дрожащий водяной столб сохранял эту немислимую форму – и вдруг начинал оседать, распадаясь на сотни стремительных потоков, так что вскоре от Кольцевого вала оставался лишь пенный гребень длиной в несколько лиг.

Ахав окончил только церковноприходскую школу и потому смутно разбирался в том, какое космическое явление происходило в действительности в таких случаях. Кажется, ледяную пустоту вдруг пронизывал блуждающий поток альфа-частиц, смертельно опасный для любого космолета кроме, разве что, бронированных крейсеров. Такой кратковременный луч было непросто обнаружить в космосе с помощью даже самых совершенных астронавигационных компьютеров, недоступных простым рыбакам – а инверс-очки превращали его в наглядный и впечатляющий образ «Кольцевого вала». Любой моряк, даже зеленый новичок, немедленно свернул бы в сторону, увидев впереди по курсу округлое пятно мертвой зяби. Ветераны же вроде него, Ахава, угадывали приближающийся катаклизм по множеству только им известных примет: характерному куполообразному облаку тумана, крикам альбатросов, ожидающих легкую добычу за сотню метров от эпицентра Кольцевого вала, по легкому искривлению линии горизонта... И таких потрясающих воображение катаклизмов в морекосме было множество – по сравнению с ними самые страшные океанские тайфуны на Земле казались лишь бурей в стакане воды. А ведь глубины межзвездного пространства были полны еще и опасными чудовищами! И среди них – исчадие ада, Белый кит, посланный всевышним, дабы обуздать гордыню человека, оставившего навсегда лоно родной планеты...

– Что с тобой, отец – ты себя плохо чувствуешь? – неожиданно рядом прозвучал встревоженный девичий голос.

Ахав нахмурился. На палубу судна спрыгнули его дети, Ольга и Илия. Также как и отец, они были одеты в теплые, на меховой подкладке комбинезоны, испещренные застежками-молниями: в бурном морекосме карманы для рыбака – самое надежное хранилище для мелких инструментов. На ногах у ребят были отличные унты с подошвами из кожи морских рошей – их многочисленные присоски надежно удерживали моряков на скользкой от соленых брызг палубе. За плечами Илии висел большой, не по его худенькой фигуре рюкзак, а рослая Ольга сгибалась под тяжестью сумки, набитой, судя по всему, вяленым мясом. Старик залюбовался дочерью – к счастью, она пошла не в него, а унаследовала от покойной матери горделивую осанку, крепкие округлые бедра, длинные стройные ноги – ни дать, ни взять – синьора из Замка! И личико у нее прелестное – круглое, как луна, с небольшим курносом носиком, чудной ямочкой на подбородке и серыми детскими глазами, всегда очень серьезными и в то же время удивленными. Короткие, по-рыбацки горшком стриженные волосы (а то, не дай бог, запутаются от ветра в сетях при спуске невода!) придавали Ольме задорный мальчишеский вид. Словом, по их деревенским понятиям – красавица, кровь с молоком. И хотя девчонке всего пятнадцать, вокруг нее уже вьются здоровенные сыновья старого Макса и даже Рол, зять самого старосты, не прочь зайти, якобы мимоходом, во двор и поболтать с Ольмой, вводя ее в краску своими красноречивыми взглядами.

А вот с сыном вышла незадача. Видимо, в неудачный день родила его Рада – вот и вышел Илия хилым, остроносый мальчишкой, вялым и задумчивым. С малых лет сверстники изгоняли его из игр, взрослые же вообще его не замечали – всем было ясно, что рыбака из этого парня не выйдет. Только один поселковый пастырь сжалился над Илией, научил его читать и писать – и с тех пор мальчик вечно пропадал в церковной библиотеке, листая толстые, никому ненужные книги. Пастырь нахвалиться на него не мог, обещал ходатайствовать за Илию перед священным Синодом Замка. Мол, хорошо бы мальчику, несмотря на низкое происхождение, позволили учиться в рыцарском колледже – поселку сейчас, как никогда, нужны образованные люди. Жаль, подумал Ахав, некому передать на старости лет свой опыт...

Но сегодня, похоже, ребята собрались идти вместе с ним в плавание – и старика это вовсе не обрадовало.

– За солонину – спасибо! – спокойно сказал он, стараясь скрыть раздражение. – У меня запасов в камбузе на неделю, не больше, а путь предстоит далекий – всякое может случиться. А вот спальные мешки, Илия, ты напрасно тащил – мне в рулевой рубке и одного матраса хватит.

Мальчик со вздохом облегчения опустил объемистый рюкзак на палубу и укоризненно посмотрел на старшую сестру.

– Ну вот, я же тебе говорил, что отец нас не возьмет! Только зря рано встали... – он сладко зевнул, с прищуром глянув на розовый шар Некры, наполовину уже поднявшийся из-за горизонта. – Ого, сколько сегодня водоворотов!

Ольма, насупившись, упрямо встряхнула головой.

– Я сказала – значит, мы пойдем сегодня на охоту! Отец, тебе уже не двадцать лет, две пары ловких рук в плавании тебе не помешают. Никто из рыбаков не выходит в морекоسم один, даже силач Вольдер и тот берет с собой дочерей...

– Да, но его дочерям уже за тридцать, и от мужиков их разве что по юбкам отличишь – невольно усмехнулся Ахав, вспомнив неудачливое семейство Вольдера, в котором ни один жених не задерживался больше месяца. – И потом, они девки умелые, любая из них и гарпун в кита метнуть сможет, и тушу разделает не хуже отца. А вы у меня... – он досадливо махнул рукой и, больше не споря, пошел в рубку.

Ольма расцвела славной улыбкой, подмигнула растерянному брату – видишь, я же говорила! – и направилась на корму к люку, ведущему в трюм. Там, внизу, в одном из тесных помещений с единственным иллюминатором, находился камбуз, в котором царил вечный бедлам. А Илия остался на палубе и продолжал любоваться рассветом.

Шхуну, тем временем, сильно качнуло – это прилив поднял киль с песка, и тут же звонко запел туго натянувшийся якорный канат. Ахав защелкал тумблерами на приборной доске, включая питание гиростабилизаторов и двигателей, управляющих такелажем. Дав машинам как следует разогреться, он потянул на себя красный рычаг и снял этим шхуну с якоря.

– Эй, юнга! – хрипло крикнул он, выглядывая в боковое окно. – Чего загляделся – беги, поднимай паруса! Да смотри, не свались с грот-мачты в воду, я тебя вытаскивать не собираюсь...

Он не договорил – левый окуляр проклятых очков вновь забарахлил. И сразу сердце Ахава тревожно сжалось. Он увидел стальную палубу космобота, на которой, ухватившись за решетчатые поручни, стоял Илия, обтянутый золотистой чешуей скафандра. Лицо мальчика, закрытое прозрачной пленкой мембран-шлема, мертво отсвечивало голубым светом звезд. На его плечах висел небольшой черный горб – это была космомедуза, жительница далекого Альтаира. Медлительное, апатичное существо обладало способностью перерабатывать в кислород космическую пыль, солнечные лучи, разреженные газы и даже микрометеориты. Космомедузы были неприхотливы, легко приспосабливались к любым внешним условиям и потому широко использовались в Галактике вместо громоздких баллонов со сжатым воздухом. Для того, чтобы медуза невзначай не выплюнула из своего короткого хоботка мундштук аэросистемы и не обрекла человека на гибель от удушья, мундштук изготавливался из сладкой как карамель пластмассы, любимого лакомства этого странного существа. Бр-р-р, только подумать, что и он, Ахав, и Ольма в реальности тоже одеты не в теплые комбинезоны, а в такие же чешуйчатые облегающие скафандры с черными медузами за спиной...

Изображение вновь мигнуло – и восстановилось в своем привычном преобразованном виде, ласкающем глаз любого человека. Ахав увидел, как Илия, оживившись, начал ловко взбираться по скобам грот-мачты, выполняя его приказ.

«А хороший сегодня будет день!» – подумал старик, взглянув в безоблачное небо. Включив обзорные экраны, он стал осторожно выруливать, уводя шхуну от берега.

Дети нечасто отправлялись с ним в плавание – и всегда это приносило удачу. А удача нужна сейчас, как никогда...

Шхуна обогнула остров и взяла курс на юго-восток – туда, где, по сообщению старосты, вчера вечером Наблюдатели заметили стадо крупных китов. Киты шли по сильно вытянутой орбите вокруг Полдии, приближаясь к планете в перигее не более чем на триста лиг. Судя по траектории, стадо было чужим, внесистемным, из числа межзвездных странников. За ночь киты вполне могли перейти на параболическую орбиту и покинуть систему Некты – и тогда Ахав мог, в лучшем случае, надеяться лишь на встречу с секачом, ветераном-одиночкой. Шкуры этих свирепых хищников (не зря некоторые из них служили самому Врагу!) обычно были покрыты глубокими шрамами от схваток с такими же буйными бродягами, и ценились в замке невысоко. Зато потроха были у инженеров Управления нарасхват – хорошо промытые и очищенные от жира, они использовались в боевых арсеналах фортов.

«Гелле» уже не раз доставалось от «огненных плевков» этих бывалых чудовищ, а однажды исполинский нарвал едва не потопил ее, протаранив правый борт блинным рогом. Но и цена риска была высока – если он, Ахав, прибуксирует к причалу Порты хотя бы небольшого секача, то Управление охотно погасит весь долг. Ему сейчас нужно немного удачи. Богиня судьбы не должна от него отвернуться!..

Пройдя небольшой островок Увию, давно потерявший свою атмосферу и потому годный лишь под склад горючего, рыбак увидел Замок. Могучий, высотой в лигу утес черным перстом возвышался среди кипящих волн прибоя. У его подножия, на узкой полосе каменистой отмели, размещались многочисленные причалы, склады, ангары, среди которых сновали сотни людей в коричневых комбинезонах Технической службы. А там, высоко в звездном небе, на вершине утеса, громоздились мрачные серые бастионы, тройным кольцом окружавшие гранитную корону дворца Звездного ордена. Хрустальные шпили его мощных башен пылали разноцветными огнями в лучах восходящего солнца. Но даже этот чудесный фейерверк не мог рассеять гнетущего впечатления, которое производил тяжелый кулак Замка, нависший над миром.

Ольма неслышно подошла к Ахаву и, не отрывая от дворца зачарованных глаз, сказала:

– Отец, завтрак готов! Я постою у штурвала сколько надо, ты не торопись, поешь как следует...

– Только не сейчас, дочка, – глухо ответил старик, с неприязнью глядя на гнездо звездных рыцарей. – Когда отойдем подальше от Замка, я включу автоштурман и сам спущусь в камбуз. А ты, Ольма, лучше иди в трюм и помоги Илии готовить гарпуны – Чую, завтра день у нас будет нелегкий...

* * *

К вечеру «Гелла» ушла далеко от Полдии. Зеленая планета превратилась в инверс-изображении в гигантский материк, а затем подернулась дымкой тумана и пропала из поля зрения. На морекосме поднялось сильное волнение, шхуну стало качать, и пенистые валы то и дело перекатывались через палубу. Ахав, нахмурясь, спустил грот-бромсель и, умело управляя кливером, выровнял корабль. Механические тяги, управляющие парусами, работали не слишком надежно, особенно на бизань-мачте, и это грозило шхуне стать мало управляемой во время шторма. Если бы на «Геллу», хоть на полчаса, поднялся инспектор Управления, то скорее всего опломбировал бы шхуну, а он, Ахав, схлопотал бы солидный штраф. Слава богу, что чиновники из Замка редко опускались до такой мелочи, как рыбацкие суденышки – если, разумеется, дело не шло о ее добыче...

Ольма и Илия стояли в рулевой рубке за спиной отца и с восхищением наблюдали, как ловко капитан «Геллы» управляется со штурвалом и несколькими десятками рычагов

и тумблеров на панели управления. Понятно, они приуныли, когда отец суровым голосом приказал им немедленно спуститься в трюм и не мешаться у него под ногами.

– Папа, но сейчас же начнется самое интересное! – заныл Илия, умоляюще глядя на отца. Его обычно бледное личико порозовело, бесцветные глаза оживились настолько, что в них стал поблескивать даже огонек азарта. Такое с ним случалось лишь в дни, когда на Один заглядывал какой-нибудь бродячий торговец. Среди груд хлама, разложенных прямо на песке у причала, порой попадались старые потрепанные книги, при одном виде которых Илия просто обмирал. Но сейчас мальчишку возбудил близившийся шторм! «Неужто я ошибся, и парень может со временем стать моряком?» – с волнением подумал Ахав, через плечо поглядывая на сына.

Но он остался неумолим.

– Вниз, я сказал! – закричал он, с трудом удерживая штурвал. – Пора откачивать воду из трюма! Ольма, что ты стоишь?

Девушка презрительно хмыкнула, но молча потащила за руку упирающегося брата за собой по отчаянно раскачивающейся палубе. Ахав, скосив глаза на зеркало заднего обзора, проследил, как цепляясь за медные поручни, дети добрались до кормового люка, и сосредоточился на управлении шхуной.

Неподалеку среди бурных волн резвилась стая крупных тунцов, белый альбатрос с протяжным криком пронесся над кормой, словно о чем-то предупреждая. Старик встревожился – чутье говорило ему о надвигающейся опасности. Справа по курсу он увидел два скалистых острова – это было инверс-изображение двух наиболее крупных лун Полдии. В этих местах нужно было держаться настороже – не дай бог, шхуна попадет в одно из течений, стремительно несущих свои холодные воды прямо к береговым отмелям! В этом случае «Гелле» не миновать столкновения с подводными рифами...

Ахав взялся левой рукой за рычаг управления такелажем, резко уменьшил парусность и развернул судно боком к ветру. Шхуна замедлила скорость, но штурвал стал яростно вырываться из усталых рук рыбака. Ветер крепчал, подняв высоко над волнами желтые хлопья пены. Первой не выдержала латанная-перелатанная бизань-мачта – под натиском разгулявшегося шторма она вдруг треснула, с грохотом переломилась пополам и обрушилась на палубу. Оставшиеся мачты угрожающе раскачивались, теряя остатки парусов. Обливаясь потом, Ахав пытался удержать судно на нужном курсе, но «Гелла» так и норовила свернуть к островам. «Что же ты, старушка, – шептал старик, чувствуя, что теряет последние силы. – Не подведи, родная, не подведи!..»

И тут ветер стих так же внезапно, как и возник несколько минут назад.

Ахав облегченно вздохнул и, включив автоштурман, на негнущихся ногах вышел из рубки. Опершись спиной о борт, густо облепленный пеной, он горестно оглядел «Геллу», которая превратилась в жалкого инвалида. Бизань-мачта была переломлена пополам, от грот-мачты осталось едва две трети, бом-кливер и кливер напоминали решето. Такой неудачи с ним давно не случалось... Ни о какой охоте на китов и речи уже не могло идти – дай бог, чтобы суденышко вернулось к родным берегам!

Перешагивая через обломки мачт, к нему уже спешили дети. Илия был бледен и растерян, а Ольма еще более посуровела – глаза ее сузились, губы недобро сжались в узкую полоску.

– Отец, нам надо возвращаться! – задыхаясь от волнения, крикнул Илия, не обращая внимания на яростные взгляды сестры. – Разве «Гелла» может идти дальше без парусов?

– Сам знаю, – сквозь зубы ответил Ахав, опустив от стыда голову. – Но на следующей неделе к нам придет сборщик налогов – и чем я буду с ним расплачиваться? Придется отдать «Геллу» в счет долгов, а самому на старости лет подаваться в ловцы губок. Ладно...

– Ничего не ладно! – возмущенно сказала Ольма, с сочувствием глядя на обескураженного отца. – Ты не сможешь жить без шхуны! Лучше я пойду в Замок служанкой или прачкой...

– И не думай об этом! – в бешенстве закричал Ахав и, подскочив к девушке, отвесил ей оплеуху. – Чтобы я больше не слышал от тебя таких слов! Дочь китобоя Ахава – и пошла в шлюхи к пузатым чинушам?

Ольма отшатнулась. ее мокрое от брызг лицо исказилось от обиды и боли. Опомнившись, Ахав понял, какую он сделал глупость. Девушка-то пошла вся в него – сплошной комок гордости и упрямства. Теперь эта обида надолго встанет между ними, никаких извинений Ольма и слушать не захочет...

Илия ласково погладил вздрагивающее плечо сестры, укоризненно глядя на отца. Ахав нередко отвешивал ему затрещины, особенно, когда тот допоздна задерживался в церковной библиотеке – но Ольму до сих пор никто и пальцем не тронул.

Старик вздохнул, отвернулся и, заложив руки за спину, угрюмо пошел на корму. Альбатрос с оглушительным криком вновь пронесся у него над головой. Ахав встрепенулся, поднял голову – и увидел невдалеке от судна кита.

* * *

Гигант-одиночка – таких Ахав встречал всего дважды за свою долгую жизнь – плыл в полулиге от шхуны, выбрасывая высоко в небо сразу шесть фонтанов. Горб лоснящейся туши поднимался над волнами словно холм. Широкие плавники мягко ударяли о воду, мощный хвост, оснащенный тремя рядами зазубренных костянистых гребней, оставлял за собой пенистый след.

Мертвой хваткой вцепившись в поручни, Ахав хмуро рассматривал многочисленные шрамы, покрывавшие кожу гиганта. Да, это был секач, кит-бродяга, ветеран, закаленный в бесчисленных схватках – судя по длине и окраске гребней, ему было лет триста, не меньше. Но как же так... патрули Управления не могли пропустить такого исполина! Они подняли бы по тревоге весь рыцарский флот и бросили в этот район, по крайней мере, крейсер или даже линкор. Вместо этого он, Ахав, на старой, полуразбитой посудине, должен дать отпор врагу!

К нему тихо подошел сын и, затаив дыхание, следил за секачом. Вместо испуга в мальчишке впервые проснулся охотничий азарт.

– Отец! – вдруг крикнул он хриплым от возбуждения голосом. – Гарпуны готовы к бою! Ох, и везет же...

Ахав не успел обернуться, как позади послышались торопливые шаги – сын уже спускался в трюм, в их крохотный арсенал.

– Стой! – закричал рыбак, теряя самообладание. – Стой, я сказал, сопляк! Здесь команду я!

Ольма, забыв о недавней обиде, успокаивающе погладила отца по плечу.

– Это наш единственный шанс, отец! – мягко сказала она. – Если мы возьмем этого кита, то расплатимся со всеми долгами – еще и на жизнь останется. Чего ты медлишь – нам, наконец, улыбнулась удача...

– Удача? – горько сказал Ахав, взяв дочь за плечи, повернул ее лицом к парусам. – Ты считаешь, девочка, что мы справимся с таким гигантом – втроем, на старом, потрепанном суденышке?

Девушка тихо спросила:

– Ты боишься за нас? Скажи – если бы ты был один, то рискнул?

Рыбак опустил глаза и буркнул:

– Но я же не один... Ладно, иди в арсенал и помоги Илии. Попробую подойти к киту с подветренной стороны... а там посмотрим. Ну, живо!

Ольма ободряюще улыбнулась ему и бросилась к люку, Ахав же, чертыхаясь, направился назад, в рубку. Было безумством нападать на секача. Если кит рывком уйдет в глубину, то тросы всех шести гарпунов не выдержат... А если они не лопнут, то будет еще хуже – потерявшая остойчивость «Гелла» может завалиться на бок и пойти ко дну. Секач еще мог, поднырнув под килем, выйти «Гелле» за корму – и сжечь ее двумя-тремя «огненными плевками». Да мало ли у матерого, закаленного в смертельных переделках кита, способов разделиться с одиноким суденышком? Можно биться об заклад, что его хребет истыкан обломками гарпунов, а в широких складках хвоста застряли останки разбитых кораблей.

Ахав уже начал разворачивать шхуну, когда ему в голову пришла неожиданная мысль. Всем известно, что секачи никогда не подходят близко к обитаемым мирам. Их стихия – это планеты-гиганты с водородно-метановой атмосферой, где они любят понежиться, питаясь обломками кристаллических металлов – так же, как земные киты живут в скоплениях океанского планктона. Выходит, это не просто одинокий бродяга, а разведчик! Разведчик Белого кита! Секач наверняка скрывается здесь, между лунами, чтобы по команде Хозяина глубоко нырнуть и одним рывком достичь Замка. Крейсера, стоящие на приколе в порту, будут застигнуты врасплох! Так было сорок лет назад на орбите Тернии, крупной планеты в системе Альбатроса, где Замок был разрушен почти до основания. И так было восемь лет спустя, на пути Замка к созвездию Девы, где была потоплена половина рыцарского флота, а он, Ахав, потерял ногу, встретившись на «Гелле» с Белым китом.

У Ахава перехватило дыхание. Удерживая штурвал правой рукой, он дотянулся левой до тумблера радиосвязи и закричал:

– Порт! Говорит шхуна 12–16! Порт, вас вызывает 12–16...

Несмотря на то, что он вызывал Замок на аварийной волне, в динамике ничего не было слышно, кроме шума и треска.

– Говорит 12–16! Порт, вы слышите меня? Отвечайте...

И вновь ответом ему был только шорох помех. Но откуда им быть здесь, в тридцати лигах от Замка? Никакие космические силы не могли погасить аварийную связь. Никакие – кроме...

Он заорал, надеясь, что не работает только прием и дежурные Порта слышат его:

– Говорит 12–16! К замку движется кит-секач со скоростью 6 кабельтовых в час! Координаты... – он скосил глаза на экран автоштурмана и скороговоркой выпалил несколько десятков цифр. – Порт, вы слышите меня? Похоже, секач готовится нырнуть, чтобы внезапно напасть на крейсера! За ним идет Белый кит! Вы слышите – Белый...

Он не успел договорить – из переговорной трубки, связывающей рубку с арсеналом, послышался испуганный крик сына:

– Отец, секач разворачивается в нашу сторону! Он хочет напасть на нас! Гарпуны готовы к бою...

Шхуна, раскачиваясь и отчаянно скрипя, сумела развернуться так, что кит оказался впереди по курсу. Но и флегматичный гигант явно обратил на нее внимание. Все шесть сверкающих на солнце фонтанов еще выше взметнулись в небо, голова исполина приподнялась над волнами – и секач устремился навстречу «Гелле». Через несколько секунд кит сможет накрыть их «огненным плевком» и тут же протаранит охваченные пламенем останки шхуны, разметав по волнам их в мелкие щепки. «Наверное, перехватил мою передачу, – с отчаянием подумал старик. – Теперь секач не успокоится, пока не пустит нас ко дну!»

Продолжая удерживать штурвал, Ахав не глядя положил левую руку на боевую панель. Дисплей прицела засветился бледно-зеленым светом, обрисовывая красной линией тело кита в проекции на плоскость атаки. На туше исполина темными пятнами были выделены

зоны наибольшей уязвимости, в которые компьютер прицела предлагал метать гарпуны. Рядом загорелись синие цифры – оценки вычислителя, в какой последовательности и по каким зонам следует наносить удары. Но Ахав даже не взглянул на них – сощурившись, он смотрел, как секач раскрывает пасть, готовясь к плевку. Пять секунд, четыре, три...

– Отец, ну стреляй же! – раздался из переговорной трубки испуганный голос Илии.

Старик дождался мгновения, когда пасть кита раскрылась полностью, обнажая ряд желтых ребристых зубов, способных раскусить корпус «Геллы» как пустой орех, и только тогда не глядя вдавил кнопки. Шхуна дрогнула – и тут же за бортом вспенились следы двух гарпунов-торпед. Выдерживая между собой интервал метров в пять, гарпуны молниеносно достигли цели. первый из них попал точно в пасть киту, а второй, сделав крутой вираж, ударил по правому плавнику. И в этот момент секач «плюнул».

Рыбак отшатнулся, увидев стену яростного пламени. Паруса на фок-мачте сразу же вспыхнули, конец бушприта оплавился. В корпусах мачт немедленно вскрылись пожарные лючки и автоматические помпы выбросили пышные струи пены, сбив пламя до того, как оно успело набрать силу. «Гелла» вновь поднялась на дыбы – это Ахав залпом выпустил еще три гарпуны и сразу же резко увел судно влево, накренив его так, что паруса едва не коснулись гребней волн. Разъяренный секач бросился вперед. Это был страшный миг – шхуна могла попасть под удар гигантского хвоста и превратиться в груды щепок. Но попавшие в него гарпуны сделали свое дело, и кит промахнулся всего на метр-два.

Судно выравнилось, оглушительно хлопая остатками парусов, и вскоре Ахав увидел секача впереди по курсу почти в лиге от себя. Сердце его радостно забилося – кит лежал на боку, отчаянно молотя хвостом по волнам. Фонтаны его окрасились в алый цвет, правый плавник был раздроблен у самого основания, огромное тело содрогалось от конвульсий. Теперь Ахав мог спокойно взглянуть на дисплей прицела: вероятность нанесения противнику столь губительного урона – всего 0,16, зато «Гелла» должна была пойти ко дну с вероятностью чуть большей – 0,8. Чудеса да и только! Видно, бог сжалился над его детьми...

Но бой не окончен. Кит может в любую минуту прийти в себя – а у него, Ахава, была в запасе лишь одна гарпун-торпеда. Оставалось только подойти к секачу как можно ближе и в упор нанести решающий удар в подводную, брюшную зону, где под толстым слоем жира находился двигательный центр.

Что-то мелькнуло перед глазами. Видимость ухудшилась – и тут же сверху вниз пошли белые полосы. Еще не веря в свое поражение, рыбак дрожащими пальцами схватился за окуляры инверс-очков – и не смог сдержать стога. Проклятие, очки все-таки отказали! В самый ответственный момент, когда «Гелла» ушла далеко в морекосм и вот-вот подвергнется нападению разъяренного кита! Все, это конец...

Белые полосы быстро слились в сплошную пелену, и изображение исчезло. Затем последовала ослепительная вспышка, и окуляры очков окончательно потемнели, как будто их заклеили черной бумагой. С криком отчаяния Ахав сорвал их с лица – и все вокруг преобразилось. Исчезла волнистая поверхность морекосма – ее сменил мрак космического пространства, испещренный холодными огоньками разноцветных звезд. Слева от него светился выпуклый шар Полдии, а позади, за кормой космобота, жарко пылала Некра, косматая от протуберанцев. Без инверс-очков Ахав обрел обычное человеческое зрение – и стал слеп! Космос для него стал лишь бездонной пустотой, в которой он уже не мог разглядеть ни Кольцевых валов, ни даже обычных пылевых течений, без которых «Гелла» была обречена – ведь она использовала для движения их энергию. А где-то впереди, надежно укутанный ледяной мглой, навстречу кораблю мчался раненый кит. Кит?..

Ахав машинально включил обзорный экран – и через секунду увидел, как радары очерчивают контур – нет, уже не кита, а космолета! Конечно же, секач был не животным, а

древним звездолетом, что уже сотни лет плавал без экипажа словно стальной «Летучий голландец»...

Старая легенда рассказывала, что шесть веков назад планетам, объединенным в лигу Свободных Миров, пришлось отражать нападение полчищ роботов-космолетов, бесконечным потоком летевших откуда-то из центра Галактики. Неведомые существа, некогда создавшие эту страшную волчью стаю, так составили программы бортовых компьютеров, что при обнаружении разумной жизни бронированные чудовища немедленно «оживали» – и начинали боевые действия. Прежде, чем Лига сумела собрать свой космофлот, пришельцы до основания сожгли несколько планет, где обосновались земные переселенцы. Это было началом долгой войны. Огромное пространство объемом почти в тысячу кубических парсеков стало ареной невиданных космических битв. Роботы-космолеты, возглавляемые суперкораблем, прозванным за свою коварность и жестокость Белым китом, испепелили еще восемь цветущих миров, прежде чем люди, переведя почти всю промышленность на военный лад, сумели развеять смертоносный флот. С тех пор лишь разрозненные группы звездных пиратов рисковали нападать на обитаемые миры, главным образом, аграрные, где не было своих орбитальных крейсеров. Самому опасному противнику – Белому киту, мог противостоять только летающий Замок, построенный руками лучших ученых и инженеров Ордена Звездных Крестоносцев. И вот уже более пяти веков Замок, окруженный свитой обитаемых астероидов, блуждал по границам Лиги Свободных Миров в поисках встречи с Врагом.

Более двадцати раз Замок вступал в поединок с суперзвездолетом, этим исчадием ада, спасая от гибели то одну, то другую планету – но сам превращался в груды развалин. На время ремонта он обычно направлялся в какую-нибудь звездную систему, где галактические патрули обнаруживали большие скопления одичавших роботов-космолетов, как правило, еще не способных к серьезным боевым действиям. Вот в этот момент рыбаки, обитавшие на астероидах, и становились самыми важными фигурами. Пойманные ими «киты» шли на восстановление стен Замка и его фортов как ценный и дешевый строительный материал, а снятое с палуб оружие обогащало и без того могучий рыцарский арсенал.

...Минутная растерянность оказалась для Ахава роковой. Пока он с трудом адаптировался к иному, реальному восприятию мира и лихорадочно вспоминал, как ориентироваться в бою только с помощью приборов, робот-космолет успел нанести ответный удар. Содрогаясь от приступов агонии, «кит» развернулся к «Гелле» своим левым, менее пострадавшим бортом, и «плюнул». На космобот обрушился ураган пламени, глаза Ахава захлестнуло болью. От теплового удара старик потерял сознание и рухнул на стальной пол рубки.

* * *

Он очнулся, почувствовав, как по щекам ползут холодные капли. С трудом разлепив спекшиеся веки, он застонал: казалось, они сдирают роговицы с глазных яблок. Вокруг висела непроницаемая пелена тьмы и вспыхивали искры – но это были не звезды. Ахав подумал, что «плевок» кита ослепил его, но туман тут же стал рассеиваться. Он увидел встревоженные лица Ольмы и Илии под прозрачными масками шлемов. Рыбак пытался ободряюще улыбнуться, но из пересохшего рта вырвался лишь жалкий стон, еще сильнее напугав детей.

– Отец, тебе плохо, да? – тихо спросила Ольма. Глаза девушки покраснели от слез, а вот Илия, к немалому удивлению Ахава, держался как подобает мужчине. Ни один мускул не дрогнул на его лице, глаза смотрели спокойно и сурово – похоже, мальчик осознавал, что на него сейчас легла вся ответственность за «Геллу» и ее экипаж.

– Ничего, дети, сейчас все пройдет, – прошептал Ахав, пытаясь встать. Ольма тут же подставила ему свое плечо, а сын протянул руку.

– Ничего, уже проходит. Кажется, я успел вовремя закрыть глаза, иначе дело было бы плохо...

Ольма и Илия облегченно переглянулись.

Через минуту Ахав уже стоял, чуть пошатываясь, у обзорного экрана и с удивлением рассматривал открывшуюся перед ним картину. В нескольких десятках метров от космобота висела необъятная туша чужака-звездолета. Отчетливо видны были все три его боевых палубы, подсвеченные носовыми огнями «Геллы». На них были заметны страшные разрушения – сотни разнокалиберных пушек, дотов, пусковых установок ракет были разбиты вдребезги, словно по ним прошелся удар могучего молота. Наружные люки распахнуты, будто экипаж разбежался в панике, не заботясь о герметичности корабля. На верхней палубе стояла решетчатая мачта радиомаяка: треснув пополам, она все-таки удерживала огромное параболическое зеркало антенны. Конечно же, не торпеды «Геллы» произвели на чужаке такой хаос – это была «памятка» о древних космических битвах.

– Кто... кто подбил секача? – глухо спросил рыбак, ощущая сильное головокружение. – Это ты, Ольма?

– Нет, отец. Это Илия! Когда мы почувствовали, что шхуна теряет управление, он побежал из арсенала в рубку и успел пустить последнюю торпеду киту в брюхо, не дав ему «плюнуть» второй раз. Если бы ты видел, как ловко брат загарпунил чужака магнитными тро-сами! Он молодец, верно?

– Да замолчи ты, трещотка! – раздраженно перебил сестру Илия. – Видишь, отцу плохо, и все равно лезешь со своими глупостями... Отец, иди в каюту и отдохни как следует. Я сам подежурю в рубке.

Старик с изумлением посмотрел на сына – и не узнал его. казалось, Илия даже ростом выше стал. За какой-то час он превратился из неуклюжего робкого подростка в знающего себе цену моряка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.